

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 11

1972

Николай ДОРИЗО

**СОРОК СЕМЬ
НОВОГОДНИХ НОЧЕЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 11

Николай ДОРИЗО

СОРОК СЕМЬ
НОВОГОДНИХ НОЧЕЙ

ЛИРИКА

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1972

Николай ДОРИЗО

Николай Константинович Доризо родился 22 октября 1923 года в Краснодаре.

В 1941 году в Ростове-на-Дону окончил среднюю школу. Печататься начал в 1938 году, будучи еще школьником.

В годы Великой Отечественной войны печатал стихи, песни, очерки во фронтовых газетах.

Учился после войны в Ростовском университете, в 1957 году окончил Высшие литературные курсы Союза писателей СССР.

Николай Доризо — автор многих поэтических книг, популярных в народе песен, драматических произведений. В последнее время он выступает и в жанре прозы.

Произведения Николая Доризо переводились на языки народов СССР, а также на многие языки народов мира.

Член КПСС с 1947 года.

* * *

Я родился давно.
Бесконечно давно.
Будто вычитал это
В старинном романе,—
Самовара урчанье...
Немое кино...
В новогоднюю ночь
краснолицых извозчиков
сани.
Бог ты мой,
Сколько было
военных
и мирных
дорог!
Я когда-то и грезить не мог
О летящей в пространство
ракете...
Сколько прожито мною
событий,
эпох,—
Их, пожалуй, хватило б
на несколько тысячелетий!
Жизнь моя,
размышляю сегодня о ней
То тревожно,
то нежно,
то строго..
А ведь было всего
сорок семь новогодних ночей.—
Это, право,
не так-то уж много!

НАКАНУНЕ

Г. Ансиму

Я все время живу
Накануне чего-то —
Накануне строки,
Накануне полета.

Накануне любви,
Накануне удачи...
Вот проснусь я —
И утром
все будет иначе.

То, что в жизни имел,
То, что в жизни имею,
Я ценить не умел
И ценить не умею.

Потому что все время
Тревожит забота,
Потому что живу
Накануне чего-то.

Может, я неудачник
С неясным порывом,
Не умеющий быть
И от счастья
счастливым.

Но тогда почему
Не боюсь я обиды,
Почему
все обиды
В минуту
забыты?

Я им счет не веду.
Наплевать.
Не до счета,—
Я все время живу
Накануне чего-то.

У СТАТУИ ВЕНЕРЫ

Нет, ее красота
Не творенье всевышнее!
Так с какой же она
Сниззошла высоты?
Взяли камень.
Убрали из камня все лишнее,
И остались
Прекрасные эти черты.
Жизнь моя,
Я тебя еще вроде не начал.
Торопился,
Спешил,
Слишком редко
Встречался с собой.
Я троянскую
Хитрую лошадь удачи,
Словно дар, принимал
И без боя проигрывал бой.
Но с годами не стал я
Внутри неподвижнее.
В каждой жилке моей
Ток высокой мечты.
Взять бы жизнь.
Удалить
Все неглавное,
Лишнее.
И останется гений
Ее красоты.

❖

❖ ❖

Бывает радости минута,
Минута счастья —
 никогда,
Поскольку счастье —
 не минута,
Не миг,
 а все твои года.
Оно не делится на части,
Ведь миллион оно —
 не грош.

Нет
на земле
другого счастья,
Чем то,
что ты на ней живешь.

* * *

Не писал стихов
И не пишу,—
Ими я,
как воздухом,
Дышу.

Им я,
как себе,
Принадлежу.
Под подушкой
утром
Нахожу.

Не писал стихов
И не пишу,—
Просто
я себя
Перевожу

На язык
понятных людям
Слов,—
Не писал
И не пишу стихов.

Можно ли
профессией
Считать
Свойство
за обиженных
Страдать?

Как назвать
работою,
Скажи

Неприятье
 подлости
И лжи?

Полюбить товарища,
Как брата,—
Разве это
Специальность чья-то?

Восхищенье
 женщиной своей,
До рассвета
Дрожь тоски по ней,—

Как назвать
 работою,
Скажи,
Это состояние души?

Я и сам не знаю,
Видит бог,
Сколько мне прожить
Осталось строк...
Нет
 такой профессии —
Поэт,
И такой работы
Тоже нет,

* * *

Андрею Николаеву

О космос!..
 В той далекой звездности
Я не был —
 грешный и земной,
Но,—
 черт возьми! —
 летали в космосе
Стихи,
 написанные мной.
Их Николаев
 взял в ракету,

Чтоб на досуге почитать
И двести с лишним раз
 планету
Им выпал жребий
 облетать.
На миг
 явившись к нам по вызову,
Ответив
 Центру
 на сигнал,
Он томик мой
 по телевизору
Земному шару
 показал.
Мой век,
 не знающий предела...
Когда,
 в какие времена
Случалось так,
 чтоб залетела
Книжонка
 в космос,
Хоть одна!
Пишу,
 как будто сказку выдумал,
Как будто волю дал мечте,
Мне б даже Пушкин позавидовал,
Верней, не мне,—
Той высоте.
В одном мое большое бедствие,
Одной встревожен я бедой,—
Как мне добиться
 соответствия
Моих стихов
 с той высотой?

* * *

Нету у графоманов свободных минут —
Есть они у известных поэтов.
Графоманы пакеты в редакции шлют
И никак не дождутся ответов.
Поднимаются ночью. Тайком от семьи.
И мостят свои строки тернисто,

И тайком от семьи
Тратят средства свои
Не на девушек — на машинисток.
Шлют свои бандероли опять и опять,
И не спят, и рискуют, и смеют,
Как им нужен божественный дар —
Не писать,
Но они не писать не умеют!..
Как обидно и горько звучит!
Графоман —
Для поэта и для музыканта!
Графоман — это труженик,
Это титан,
Это гений,
Лишенный таланта.

* * *

Пусть слава подойдет к столу,—
За нею гнаться я не буду.
В стихах
 не буду
 бить посуду,
Чтоб прогреметь на всю страну.
Пусть слава подойдет к столу.
Хочу услышать похвалу.
Заметь меня,
 старик Державин.
Но хоть я дьявольски тщеславен,
Пусть слава подойдет к столу.
А подойдет она к столу,
Я крикну ей,
 коль рядом встанет:
— Не отвлекай,
 я делом занят!
Постой за шкафом,
 там, в углу.
А после подойдешь к столу,
Когда мой гроб украсят розы.
Свободный
 от стихов и прозы,
Я буду ждать твою хвалу.
Пусть слава подойдет к столу.

* * *

Моя любовь —
Загадка века,
Как до сих пор
Каналы марсиан,
Как найденная флейта
Человека,
Который жил
До древних египтян.

Как телепатия
Или язык дельфиний,
Что, может, совершеннее,
Чем наш,
Как тот.

На грани синей,
Корабль с других планет
Или мираж.

Я так тоскую по тебе
В разлуке.
И эта непонятная тоска,
Как ген,
Как область новая науки,
Которой

нет
названия пока.

Что ж,
 может быть,
В далекий век тридцатый
В растворе человеческой крови
Не лирики,
А физик бородатый
Откроет

атом
Вещества любви.

Его прославят
летописцы века.

О нем
молва
пойдет

Во все края.

Природа,
Сохрани от человека
Хотя бы
эту
Тайну бытия!

ЖЕНЫ

Стихами
слишком поздними
Хочу воспеть красавиц
С морозными,
серьезными,
Замужними глазами.
Вы не были обещаны,
И я
не смел
влюбляться.
Для нас красивы женщины,
Которых не бояться.
Как часто
в повседневности
С житейскою тщетою
Доступность
мы по лености
Считаем
красотою.
Я тоже
по наивности
Считал бывшее новью,
Дежурные взаимности —
Единственной любовью.
Ведь даже
в зрелом возрасте
Мы ждем любовь,
как диво,
И сказка о серьезности
Нам так необходима!
Я славлю вас,
красавицы,
Что взглядом
нас минуют,
В которых не влюбляются,

Влюбившись,
 не ревнуют.
Идете не замечены,
А ваша стать
 прекрасна,
Вас чаще хвалят женщины —
Им это не опасно.
...Невесты наши строгие,
Живете вы годами
С такими
 одинокими
Замужними
 глазами!
Одну я понял истину
Всем существом глубинным:
Как трудно быть
 единственным
И как легко
 любимым!

НЕЖНОСТЬ

Прошу,
 как высшее из благ,
Прошу,
 как йода просит рана,—
Ты обмани меня,
 но так,
Чтоб не заметил я обмана.
Тайком
 ты в чай мне положи,
Чтоб мог хоть как-то я забыться,
Таблетку той снотворной лжи,
После которой легче спится.
Не суетой никчемных враг,
Не добродетельностью речи
Ты обмани меня,
 но так,
Чтоб наконец я стал доверчив.
Солги мне,
 как ноябрьский день,
Который вдруг таким бывает,

Что среди осени сирень
Наивно почки раскрывает.
С тобой так тяжко я умен,
Когда ж с тобою глупым стану.
Пусть нежность женщин всех времен
Поможет твоему обману,
Чтоб я тебе поверить мог,
Твоим глазам,
 всегда далеким.
Как страшно
 стать вдруг одиноким,
Хотя давно я одинок.

УТРЕННИЕ СТИХИ

Даю такое указание,
С годами став,
 как дьявол,
 мудрым,—
Любимым назначать свидания
Не поздним вечером,
 а утром.
Рассвет всегда трезвее вечера,
И очевидней,
 достоверней
На зорьке утренняя женщина,
Чем женщина поры вечерней.
Она тебе яснее зрима,
Честнее плоть,
 прямей душа.
Уж коль любима,
 так любима,
Коль хороша,
 так хороша.
Когда тебя я вижу сонную
На зорьке
Около меня,
Ты мне вдруг кажешься Мадонною
С ребенком розового дня.
И этим гимном,
 гимном жреческим,
На свежей зорьке,
Зорьке ранней.

Я славлю
утреннюю женщину,
Как бога солнца
египтяне.

* * *

Я видел вчера
Настоящее чудо,
Не мог и представить
Подобного я:
На Ново-Басманной
Сюда прилетевшие бог весть откуда
Дрались два соперника —
Два воробья.

Дрались на дороге,
Отчаянно сыпались перья.
Вцепились друг в друга,
А клювы, как шпаги, в крови.
Толпа собралась:
Это что за мистерия?!
— Дерутся! Смотрите!
— Да кто?
— Воробьи!

Машины столпились растерянно.
Автобус внезапно и круто
Остановился.
Гудит взаперти.
И даже милиция —
Сам представитель ОРУДа
Порядок не может никак навести.

Водитель такси подошел к ним,
Схватил,
Оторвал друг от друга
И, в разные стороны их разбросав,
Вытер ладони в крови.
А через минуту, на ветке...
— Смотрите!
— А ну-ка. А ну-ка!
— Смотрите! Дерутся!
— Да кто?
— Воробьи.

Мальчишки бросают в них камни с размаха
А им нипочем!
Наплевать им на нас.
И этим великим отсутствием страха
Два крохотных тельца
Прекрасны сейчас.

Какая Джульетта
Им клювы сцепила,
Им, витязям
Непостижимой любви?
Герои,
Достойные кисти Шекспира,
О, как я завидую вам, воробы!

СТИХИ О ПРИРОДЕ

На станции
У самых шпал
Он вдруг пророс,
Росток травы,
 зелен и мал,
Из-под колес.

Кузнечик,
Он почти приник
К металлу рельс,
Самоубийца каждый миг,
Зачем он здесь?

Все поезда
Со всех сторон
В сто тысяч тонн
Спешат сюда,

Чтоб ими был
Раздавлен он.
А он растет,
Трава-травой.
Как прежде рос
Зеленой искрою живой
Из-под колес.

СОБАКА ПЕВИЦЫ ЭДИТ ПИАФ

Жила певица.
Вместе с ней
Жил ее голос
Да еще ее старенький пес.
Так и жили
Втроем они,
Вместе,
Друг без друга
Никак им нельзя.
У певицы
Был голос и песни.
А у пса
Были только глаза.
Но с певицею голос расстался,
С бранным телом,
С усопшей душой.
Он живой
на пластинках остался,
Отошел от нее,
Как чужой.
И когда из квартиры соседей
Этот голос
Летит на мороз,
Слепо мечется
В тесной передней
И на стены кидается пес.
У собаки
Особая память,
Ей не пить на поминках вино,
Ей не высказать
Горе словами,
Может, легче бы стало оно.
И на самом бравурном аккорде,
Когда песня подходит к концу,
Влажно катятся
Слезы по морде,
А точнее сказать —
По лицу.

БАБУШКА

Спешит на свидание бабушка,
Не правда ли, это смешно?
Спешит на свидание бабушка,
Он ждет ее возле кино.

Расплакалась внучка обиженно,
Сердито нахмурился зять,—
Спешит на свидание бабушка,
Да как же такое понять!

Из дома ушла оробевшая,
Виновная в чем-то ушла...
Когда-то давно овдовевшая,
Всю жизнь она им отдала.

Кого-то всегда она нянчила —
То дочку, то внучку свою,
И вдруг в первый раз
озадачила
Своим непокорством семью.

Впервые приходится дочери
Отчаянно стряпать обед.
Ушла на свидание бабушка,
И это на старости лет!

Ушла на свидание бабушка,
И совестно ей оттого.
Ушла на свидание бабушка,
А бабушке сорок всего.

МАТЬ И ДОЧЬ

Две старушки —
 мать и дочь,
Седенькие,
 старенькие,
Не поймешь,
 кто мать,
 кто дочь,—
Обе стали маленькими.
Доживают век вдвоем

Тихо,
 однозвучно,
И стареют
 с каждым днем
Обе,
 неразлучно.
Из-под шляпок
 буколки —
Беленькие стружки.
Покупают бублики
В булочной старушки.
Как же так?
 Я замер вдруг,
Недоумевая.
Ведь одну
 из двух старух
Родила другая,
Нянчила и нежила,
Умывала личико,
Заплетала
 свежие
Детские косички.
От простуды берегла.
Это ж было,
 было...

Женихов разогнала,
Так ее любила.

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Т. Рымшевич

Любимая,
Далекая,
Дочурка черноокая,
Нежно мишку укрой,
Скоро кончится бой,
Твой отец вернется домой...
В сорок втором,
Еще мальчишкой,

Однажды ночью,
наугад,
Про девочку с тем самым мишкой
Сложил я песню для солдат.
Гармонь сорок второго года,
Твой звук,
как мог,
я повторил,
Как мог,
письмо продолжил чье-то
И чью-то грусть
удочерил.
Не знал в тот год я рифмы модной,
Чеканных граней мастерства,
Но были
от беды народной
Взрослей меня
мои слова.

Любимая,
Далекая
Дочурка черноокая,
Нежно мишку укрой,
Скоро кончится бой,
Твой отец вернется домой...

Писал я с болью эти строчки,
Я не отец
и не поэт.
С тех дней
До дня рожденья дочки
Еще мне жить пятнадцать лет.
О ней не ведал я в ту полночь,—
Хоть день
прожить бы на земле!
Я был юнцом,
Но старшим в помощь
Отцом
считал себя в семье...

Уж как-то так случилось это,
Что я забыл о песне той,—
Для искушенного поэта
Негож
язык ее простой.

И вдруг
 сегодня —
Что за чудо! —
Звучит по радио она.
И дорога она кому-то
И до сих пор еще нужна.
О ней сегодня письма пишут,
Как бы от девочки своей.
Под городской
 и сельской крышей
Она жила
 среди людей.
Но, потеряв меня когда-то,
Она
 до нынешнего дня,
Как дочь
Пропавшего солдата,
Искала
 столько лет
 меня!

ЕСЛИ Б МОЛОДОСТЬ ЗНАЛА...

Песня из пьесы «Две женщины и зависть»

Молодые девчонки
Так торопятся жить,
Что имеют, не ценят,
Не умеют ценить.
 Если б молодость знала,
 Каждый миг бы она берегла,
 Если б молодость знала,
 Если б старость могла!
Лишь потом понимаешь,
Чем когда-то владел,
Сколько дел ты не сделал —
Замечательных дел.
 Если б молодость знала,
 Каждый миг бы она берегла,
 Если б молодость знала,
 Если б старость могла!

* * *

Работа
зависти
мешает.
Она спасает нас
от зла.
Из всех на свете пчел
не жалит
Лишь меда полная
пчела.

* * *

О, как нам часто кажется в душе,
Что мы, мужчины,
властвуем,
решаем.
Нет! Только тех мы женщин выбираем,
Которые нас выбрали уже.

* * *

У всякой ревности, ей-богу, есть причина,
И есть один неписанный закон:
Когда не верит
женщине
мужчина,
Не верит он не ей,—
в себя не верит он.

* * *

Выходит возраст мой
на линию огня.
Как дом
С порога,
Как роман
С пролога,
Газету начинаю
С некролога.

Живых друзей
 все меньше у меня.
Выходит возраст мой на линию огня.
Так високосный год мой начался.
Друзья уходят,
 остаются жены
И те ж,
 без измененья,
 телефоны,
Все те же цифры,
 но не голоса...
Так високосный год мой начался.
Чужая смерть
 страшна мне,
 как своя.
И, расставаясь у могилы с другом,
Как ни грешно,
 я думаю с испугом,
Что сам умру когда-нибудь и я.
Чужая смерть страшна мне, как своя.
Есть только вечность —
 вечной славы нет.
И даже вы,
 бессмертные поэты,
В конечном счете
 смертны,
 как планеты,
Как солнце —
 через сотни тысяч лет.
Есть только вечность —
 вечной славы нет.

Ко мне пришло
 мое начало дня.
Пока живу,
 я все-таки бессмертен,
Хотя бы тем,
 что вновь
 забыл
 о смерти.

Есть мысль.
 есть труд,
 есть слово у меня,
И возраст мой на линии огня.

МОЙ ПУШКИН

Поэма глав

1. Пушкин

Он в этот день писал свою «Полтаву»,
Он был полтавским боем оглушен.
Любовь мирскую,
 бронзовую славу —
Он все забыл:
 писал «Полтаву» он.
Всю ночь ходил по комнате в сорочке
И все твердил, все бормотал свое.
И засыпал
 на непослушной строчке
И просыпался
 на плече ее.
Вдруг за спиною двери загремели,
И в комнату заходят господа:
— Вас ждет Дантес, как вы того хотели.
Дуэль сегодня или никогда! —
Что им ответить, этим светским сводням?
И он вдруг стал беспомощным таким...
— Потом! Потом! Но только не сегодня,
Я не могу
 сегодня
 драться с ним. —
Они ушли.
А он кусает губы.
— Ну погодите, встретимся еще! —
И вновь в ушах
 поют «Полтавы» трубы,
И строки
 боем дышат горячо.
Летят полки на приступ,
 как метели,
Ведомые стремительным пером...
В рабочий день
 не ходят на дуэли
И счета с жизнью
 сводят за столом.
...Мы побеждаем.
 Нами крепость взята.

Победой той
от смерти он спасен.
Так было бы,
я в это верю свято,
Когда б в тот день
писал «Полтаву» он.

2. Дантес

Нет, жив Дантес.
Он жив опасно,
Жив
вплоть до нынешнего дня.
Ежеминутно,
ежечасно
Он может выстрелить в меня.
Его бы век назад убила
Священной пули прямота,
Когда бы сердце,
Сердце было
В нем,
А не пуговица та!
Он жив.
И нет конца дуэли,
Дуэли, длящейся века,
Не в славной бронзе,
В жалком теле
Еще бессмертен он пока.
Бессмертен
похотно
и жадно,
Бессмертен всласть,
Шкодиво,
зло.
Скажите:
с кем так беспощадно
Ему сегодня повезло?
Он все на свете опорочит
Из-за тщеславья своего.
О, как бессмертно он хохочет —
Святого нету для него!
Чье божество,
Чью Гончарову,
Чью честь
Порочит он сейчас?

Кого из нас он предал снова,
Оклеветал кого из нас?
Он жив.
Непримиримы мы с ним
Дуэль не место для речей.
Он бьет.
И рассыпает выстрел
На дробь смертельных мелочей,
Дантесу — смерть.
Мой выстрел грянет
Той пуле
пушкинской
вослед.

Я не добыю —
Товарищ встанет.
Поднимет холодный пистолет.

3. Пушкин

Песня цыганская,
Песня цыганская,
Вот от стола до стола ты идешь,
И умолкает
Веселье гусарское,
Только гитару ты в руки возьмешь
Низко склоняются
Буйные головы,
Как пред иконою, перед тобой.
Катятся слезы
По лицам обветренным,
Лицам, выдавшим и тризну и бой.

Песня гортанная,
Чуть диковатая,
Как ты сумела себя сохранить?
Как ты сумела,
Девчонка из табора,
И в кабаках непорочно быть?

Песня цыганская,
Песня цыганская,
Мне не забыть никогда этот миг,
Как перед свадьбой
В тревожном предчувствии
Пушкин рыдал на коленях твоих!

4. Наталья Пушкина

Как девочка,
 тонка,
 бледна,
Едва достигнув совершеннолетия,
В день свадьбы
 знала ли она,
Что вышла замуж
 за бессмертье?
Что сохранится на века
Там,
 за супружеским порогом,
Все то,
 к чему ее рука
В быту
 коснется
 ненароком,
И даже строки письмаца,
Что он писал,
 о ней вздыхая,
Похитит
 из ее ларца
Его вдова.
Вдова другая.
Непогрешимая вдова —
Святая пушкинская слава,
Одна
 на все его слова
Теперь имеющая право.
И перед этою вдовой
Ей,
 Натали,
 Наташе,
 Таше,
Нет оправдания
 живой,
Нет оправданья
 мертвой даже.
За то,
 что рок смертельный был,
Был рок
 родиться ей красивой...

А он
такой
ее любил,
Домашней,
добрый,
нешумливой.
Поэзия и красота —
Естественней союза нету.
Но как ты ненавистна свету,
Гармония живая та!
Одно мерило всех мерил,
Что
он
ей верил.
Верил свято
И перед смертью говорил,—
Она ни в чем не виновата.

5. Пушкин

Я памятник себе воздвиг нерукотворный

Как мог при жизни
Он сказать такое?
А он сказал
Такое о себе.
Быть может, в час
Блаженного покоя?
А может быть, в застольной похвальбе?

Уверенный в себе,
Самодовольный,
Усталый
От читательских похвал?

Нет!
Эти строки
С дерзостью крамольной,
Как перед казнью узник,
Он писал!

В предчувствии
Кровавой речки Черной,
Печален и тревожно одинок:
«Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» —

Так мог сказать
И мученик
И бог!

6. Николай I

Отпетый самим патриархом
И все же не принятый в рай,
Из гроба встает император,
Руси властелин —
Николай.
Идет по Тверскому бульвару
Туда,
где с курчавой главой
Мятежный его камер-юнкер
Стоит
над ночною Москвой.
Теперь он царю неподвластен.
Глядит
с пьедестала
в упор,—
Попробуй-ка голову эту
Склонить,
положить под топор.
Узрели б сейчас царедворцы,
Как их самодержец и бог
Стоит,
удивленный и хмурый,
У бронзовых пушкинских ног.
Он мог ли представить такое,
Когда
по велению руки
В Сибирь посылал декабристов,
Чтоб их
заковать
в рудники.
Когда на балах,
на парадах
Стоял он
скульптурой живой.
Дантес —
это лишь статуэтка,
Лишь копия
статуи той.

...Как тень,
 он уходит в могилу —
Под холод кладбищенских плит,
А памятник нерукотворный
Во славу России стоит.

7. Пушкин

I

Я звоню на Мойку, в дом поэта,
И в ладони слышу издали
Женский голос.
 Не она ли это,
Не она ли это —
 Натали!
Говорю растерянно:
 — Простите,
Но прошу, в свой дом меня впустите,
Хоть звоню я не в урочный час!
Так мне нужно это посещение!..
И в ответ,
 как двух эпох смещение:
— Приходите,
 я ж читала вас!

II

И я думал
 долгими часами,—
Пушкина
 читали и писали.
Да, писали,
 именно писали!
От руки
 при свечах
И лампадках
В дневниках,
 альбомах
И тетрадках.
Разночинцы,
 и семинаристы,
В рудниках сибирских
Декабристы,

Что тайком
Оттачивали перья
И хранили
Гордое терпенье,
Барышни —
Ровесницы Татьяны,
Бравые гусары —
Ветераны.
Письма их
Из армий
и селений —
Тиражи его стихотворений.
Вся Россия
Пушкина

писала.
Он один.
Но всем его хватало.
Выводила
Пушкинское слово
Девочка —
Натаалья Гончарова.
Не жена еще
И не невеста
Замирала,
Как от благовеста...
Перед ним
Не больше,
чем уездность.
Эта наша телеоизвестность.
Можно ли сравниться с ним?
Едва ли,—
Нас читают,
А его писали!

III

Устав от суеты мирской,
В благом молчанье одиноком,
Мой Пушкин,
каждою строкой
Я говорю с тобой, как с богом.
И повторяю вновь и вновь,—
Твой пламень время не остудит.
Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет!

СОДЕРЖАНИЕ

«Я родился давно...»	3
Накануне	4
У статуи Венеры	5
«Бывает радости минута...»	5
«Не писал стихов...»	6
«О космос!. В той далекой звездности...»	7
«Нету у графоманов свободных минут...»	8
«Пусть слава подойдет к столу...»	9
«Моя любовь...»	10
Жены	11
Нежность	12
Утренние стихи	13
«Я видел вчера...»	14
Стихи о природе	15
Собака левницы Эдит Пиаф	16
Бабушка	17
Мать и дочь	17
Встреча с песней	18
Если б молодость знала (<i>песня из пьесы «Две женщины и зависть»</i>)	20
«Как много фамилий...»	21
«Мелькнет такое в проблесках зрачка...»	21
«Пусть крошатся, как в пальцах мел, года...»	21
«Работа зависти мешает...»	22
«О, как нам часто кажется в душе...»	22
«У всякой ревности, ей-богу, есть причина...»	22
«Выходит возраст мой на линию огня...»	22
Мой Пушкин (<i>Поэма глав</i>)	24

Николай Константинович Доризо

СОРОК СЕМЬ НОВОГОДНИХ НОЧЕЙ

Редактор — **П. А. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор Я. М. Б о р и с о в.

Сдано в набор 31/III 1972 г. А 00687. Подписано к печати 31/V 1972 г.
 Формат бум. 70×108¹/₃₂. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,73 учетно-изд. л.
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 1364. Заказ № 2769.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
 ул. «Правды», 24.

**ВЛАДЕЛЬЦЫ СРЕДСТВ ТРАНСПОРТА,
ЗАКЛЮЧАЙТЕ ДОГОВОРЫ СТРАХОВАНИЯ!**

Если у Вас есть легковой автомобиль, мотоцикл, мотороллер, мопед, катер, моторная, парусная или гребная лодка, **СОВЕТУЕМ ЗАСТРАХОВАТЬ ИХ.**

● ПО ДОГОВОРУ СТРАХОВАНИЯ Госстрах возместит Вам ущерб в случае гибели или повреждения средств транспорта в результате аварии, взрыва, пожара, стихийных бедствий, а также в случае похищения средств транспорта и гибели или повреждения их, связанных с похищением или угоном.

● ДОГОВОР СТРАХОВАНИЯ можно заключить на 4—6 месяцев и на один год.

● СТРАХОВЫЕ ПЛАТЕЖИ уплачиваются по ставкам, размер которых зависит от величины страховой суммы. Например, при страховании автомобиля в 500 рублей платеж за год составит 3% от страховой суммы, а при страховании в 3 000 рублей и выше — 1,5%.

● ЛИЦАМ, страховавшим средства транспорта не менее двух лет без перерыва и не допустившим за это время аварии, предоставляется скидка при заключении нового договора.

● ЕСЛИ У ВАС уже имеется договор страхования, не забудьте своевременно возобновить его на следующий год.

Договор страхования можно оформить по месту Вашего жительства или работы, вызвав агента Госстраха.

Главное управление государственного
страхования СССР

